

В. БЛАНАР

О ВНУТРЕННЕ ОБУСЛОВЛЕННЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ

1. В процессе эволюции словарного состава внеязыковые и языковые импульсы влияют на лексическую единицу не прямо, а через сеть отношений, в которые она вступает благодаря своим формальным и семантическим свойствам. Этими так называемыми микроструктурными отношениями определяется место лексической единицы в словарном составе. Набор микроструктурных отношений составляет ее лексическую ценность. Любые смысловые сдвиги, изменения словообразовательной структуры или стилистической значимости лексической единицы затрагивают ее микроструктурные отношения, изменяют ее место в словарном составе. Место слова в словарном составе, а следовательно и его лексическая ценность не являются константными величинами; в процессе исторического развития они могут в большей или меньшей степени изменяться. Уже из этого видно, что широкая проблематика внутренне обусловленных семантических изменений относится к таким вопросам, решение которых направлено на раскрытие существенных признаков лексической системы языка. Кратко охарактеризуем исходные теоретические положения.

Перспективным представляется функционально-структурный подход к изучению словарного состава. Изучение словарного состава как системно организованного, но необычайно развернутого и многообразного множества элементов еще находится на стадии успешных поисков наиболее адекватных исследовательских методов. Во всей широте и сложности это множество элементов вряд ли может быть представлено прежними методами.

При изучении словарного состава как целостной системы возможен двойной подход. Можно исходить из словарного состава как совокупности элементов и рассматривать их многообразную структурную организацию в рамках различных слоев и классов слов; можно также исходить из отдельных лексических единиц и устанавливать их тождественные системные отношения в небольших, относительно замкнутых единствах¹. В первом случае раскрываются наиболее общие свойства и отношения, характерные для словарного состава; второй подход позволяет глубже познать структуру лексики данного языка; специфические черты лексики данного языка постигаются путем анализа лексических отношений отдельных номинативных единиц. Обобщающая характеристика лексических отношений предполагает детальный анализ элементарных единиц и минимальных совокупностей.

Отдельный лексический элемент включается в различные совокупности слов посредством своей словообразовательной структуры, семантики, стилистической значимости и т. д. Эти совокупности слов (микросистемы, поля) представляют собой относительно замкнутые классы элементов

¹ А. С. М е л ь н и ч у к. Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма, ВЯ, 1970, 1.

с определенной внутренней организацией. Элементы, которые имеют сходные основные классификационные свойства, образуют центральный слой; периферийную сферу составляют лексические единицы, принадлежащие к данному классу лишь благодаря некоторым дифференциальным свойствам, а по другим относящиеся к иному полю². Отдельные микросистемы (поля) словарного состава также не только взаимосвязаны, но и перекрываются.

В связи с этим особое значение приобретают следующие вопросы: лексические отношения, релевантные для структуры данного поля; конфигурации элементарных полей; пути включения периферийных слов в лексическую систему; лексические слои с наиболее устойчивой и наиболее свободной структурной организацией; условия семантических изменений в элементах поля при изменении значения одного элемента; соотношение отдельных полей друг с другом.

Чтобы глубже познать лексическую ценность слова, необходимо комплексное изучение его положения и функционирования в словарном составе. При изучении релевантных лексических отношений необходимо прежде всего выяснить их место на парадигматической оси. Словообразовательные отношения указывают на внутреннюю мотивацию лексических единиц. Семантические отношения — это отношения синонимии, антонимии, частичной синонимии, конверсии³. Семантическая аттракция захватывает также слова, которые находятся в отношении смысловой субординации⁴. Организация лексико-семантического поля в значительной мере зависит от конфигурации семантических дифференциальных признаков⁵.

Парадигматические сочетания, отражающие отношения в языковой системе, образуют диалектическое единство с синтагматическими сочетаниями, которые анализируются в рамках контекста. Некоторые сочетания являются выражением данной ситуации, другие прямо указывают на релевантные семантические элементы слова. В родственных языках можно выявить варианты значений, исходя из частично дифференцированных валентных способностей номинативных единиц. Поэтому расширение описания семантической структуры слова за счет сфер свободных и несвободных сочетаний, а также за счет ограничения сочетаемости слов, о обусловленного семантикой, представляет собой существенное и необходимое дополнение его характеристики. Однако вряд ли можно согласиться с мнением о том, что при установлении структуры поля, которая формируется синтаксическими и лексическими ограничениями, «не единствен-

² См., например: F. D a n e š, The relation of centre and periphery as a language universal, «Travaux linguistiques de Prague», 2, 1966; H. A. G l e a s o n, The relation of lexicon and grammar, сб. «Problems in lexicography», Bloomington, 1962; L. H j e l m s l e v, Dans quelle mesure les significations des mots peuvent-elles être considérées comme formant une structure?, сб. «Proceedings of the VIII International congress of linguists», Oslo, 1958; V. B l a n á r, Über strukturelle Übereinstimmungen in Wortschatz der Balkansprachen, «Recueil linguistique de Bratislava», 2, 1968; J. F i l i p e c, Zur innersprachlichen Konfrontation von semantischen Teilstrukturen im lexikalischen System, «Travaux linguistiques de Prague», 3, 1968.

³ В монографии «Zo slovenskej historickej lexikológie» (Bratislava, 1961) я показал существенную роль синонимии, а также полисемии и антонимии в организации поля (стр. 185 и сл.).

⁴ Ср.: J. F i l i p e c, Česká synonyma z hlediska stylistiky a lexikologie, Praha, 1961, стр. 210 и сл.

⁵ Понятие дифференциального признака при реконструкции микрополей или микросистем удачно применил Н. И. Т о л с т о й (см., например: «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава», I — ВЯ, 1963, 4; II — ВЯ, 1966, 5; «Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии», в сб. «Славянское языкознание», М., 1968). Этим методом можно установить неодинаковую конфигурацию полей в разных диалектах национального языка или в различных родственных языках.

ную, но решающую роль» играет синтагматика⁶. Это привело бы к недооценке семантического анализа элементов лексико-семантического поля.

Смысловую природу слова нельзя отрывать от гносеологической функции языка, как нельзя и отождествлять с последней. Слово — средство формирования и закрепления понятий. Идейное содержание выражается в языковой форме тем способом, который характерен для данного языка, поэтому лексико-семантическая структура в данной языковой системе имеет специфический облик. Из множества семантических информационных единиц слова осознаются только те, которые в соответствующем языке являются дифференциально релевантными. Отношения, которые представлены в рамках данного поля, обуславливают семантическое содержание слова, но не исчерпывают его.

При реконструкции полного лексического значения слова необходимо учитывать также его коммуникативную ценность при общении между людьми и его стилистическую функцию. Например, некоторые неассимилированные слова (ср. в словацком культурном языке XVI—XVII вв.: *item, kšaft, litkup, fatens* и др.) имели фонетическую структуру и инвариантное значение, сходные со словами языка, из которого они были заимствованы, однако они четко отличались упомянутыми показателями социолингвистической сферы.

Итак, при анализе данного понятия, его языкового оформления и коммуникативной значимости лексической единицы на горизонтальной, вертикальной и временной оси вскрываются внутриязыковые, внешнеязыковые и внеязыковые отношения, через посредство которых лексическая единица включается в различные совокупности слов⁷. В соответствии с этими микроструктурными отношениями нами и определяется понятие лексико-семантического поля, которое в лингвистической литературе толкуется неодинаково. Лексико-семантическое поле образуют лексические единицы, которые вступают во взаимные внутриязыковые, внешнеязыковые и внеязыковые отношения. Основным организующим фактором является конфигурация семантических дифференциальных признаков. «Узловыми точками» являются слова, которые включаются в поле благодаря инвариантному значению. На периферии располагаются слова иной коммуникативной значимости (например, диалектизмы, архаизмы) и слова, которые включаются в поле через посредство вариантного значения. По своему инвариантному значению такие слова относятся к иному лексико-семантическому полю.

Можно ли, однако, посредством изучения микроструктурных отношений элементарных совокупностей слов прийти к характеристике существенных закономерностей всего словарного состава, например, национального языка? Развиваемая в последнее время теория лексико-семантической экстраполяции⁸ свидетельствует о том, что на основе эмпирически данных элементов и отношений между ними в одной микросистеме можно делать определенные выводы о составных элементах других микросистем и об их структурной организации. Более того, значимость некото-

⁶ Н.-J. Seiler, Zur Erforschung des lexikalischen Feldes, Sprachnorm, Sprachpflege, Sprachkritik, «Sprache der Gegenwart», 2, Düsseldorf, 1966/67.

⁷ Подобные факторы принимает во внимание при реконструкции значений в древнечешской лексике И. Немец (J. Němec, Vývojové postupy české slovní zásoby, Praha, 1968). Ср.: J. Filipes, указ. соч., стр. 178; Ю. С. Сорокин, Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX в., М., 1965, стр. 19 и сл.

⁸ Об этом понятии см.: Э. А. Макаев, Реконструкция индоевропейского этимона, ВЯ, 1967, 4; М. М. Мавский, Экстраполяция лексико-семантических систем, ВЯ, 1970, 3. Там указана и другая литература. Далее мы будем применять это понятие, имея в виду семантические отношения.

рых устойчивых языковых закономерностей — как показал недавно Е. Курилович⁹ — можно распространить и на другие семиотические области. Это позволяет сделать важный шаг на пути формализации лексико-семантических исследований, что означало бы возможность обобщенного представления лексической структуры языка в аспекте синхронии и диахронии.

2. Рассмотрим семантические изменения, которые не сопровождаются специальными морфематическими показателями и затрагивают лишь смысловые отношения лексико-семантических категорий. Если элементы лексической системы образуют составные части соответствующих относительно замкнутых совокупностей слов, то и семантические сдвиги у этих элементов, которые традиционно (и не очень точно) называются расширением или сужением смысловой структуры или же утратой части значения, следует истолковывать в рамках внутренней организации данной совокупности. Конечно, семантические сдвиги происходят в процессе человеческого общения в данном социальном коллективе; здесь же нас будет интересовать самый механизм изменения значения¹⁰.

Здесь исследуется прежде всего материал периода словацкого культурного языка с середины XVI до середины XVIII в.; метафорический перенос значения и контекстуальные смысловые оттенки во внимание не принимаются: учитываются лишь инвариантные и варианты элементы значения лексических единиц.

Поучительным примером может служить структура и эволюция лексико-семантического поля «сауона — *deversorium* — *cubiculum hospitale*» (наименования места, где предоставлялись еда, напитки и квартира). Структурную организацию этого семантического поля в рассматриваемый период¹¹ определяли два семантических дифференциальных признака (семы), которые проявлялись на положительной (+) или отрицательной (—) ступени: 1) «еда и питье (содержание) предоставляются — не предоставляются», 2) «квартира предоставляется — не предоставляется». Место, где путнику предоставлялось питание без квартиры, соответствует латинскому «сауона». Место, где предоставлялось питание и квартира, соответствует «*deversorium*». Место, где гостю предоставлялась квартира без содержания, соответствует «*cubiculum hospitale*». Иначе говоря, в указанных семемах упомянутые дифференциальные признаки распределялись следующим образом:

	содержание	квартира
сауона	+	—
<i>deversorium</i>	+	+
<i>cubiculum hospitale</i>	—	+

В течение рассматриваемого периода в словацком культурном языке семантические дифференциальные признаки образовывали следующую конфигурацию поля:

⁹ J. Kuryłowicz, Próba ekstrapolacji pewnego prawa językowego, «Studia semiologiczne», Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970.

¹⁰ Ср. также: М. В. Розин, Г. М. Щедровицкий, О методике анализа исторических изменений системы значения слова, в кн.: «Актуальные проблемы лексикологии (Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции 17—20 июня 1970 г.)», Минск, 1970; Г. М. Щедровицкий, Семантическая структура слова и пути ее анализа, там же.

¹¹ Материал, исследованный в работе «Zo slovenskej historickej lexikológie» (стр. 186—195, 241—251), здесь дополняется материалом из картотеки Исторического словаря словацкого языка дописменного периода (в Институте языкознания им. Людовита Штура Словацкой АН в Братиславе). Диалектный материал почерпнут из архива словацкого диалектного словаря (диалектологическое отделение того же института).

без квартиры	содержание	саурана	cubiculum hospitale
с квартирой		deversorium	
		квартира	
		с содержанием	без содержания

Конфигурация складывается из трех частных полей. Наиболее четко определяется поле «deversorium», так как оно возникает на пересечении двух семантических признаков.

В дальнейшем анализе за основу берутся семемные элементы и их лексемное выражение. В одном частном поле могут размещаться многие номинативные элементы, между которыми существуют синонимические отношения или чаще отношения частичной синонимии. Некоторые лексемы выражают смысловые элементы двух и трех полей, поэтому они фиксируются в нескольких местах. Основной, стилистически немаркированный член синонимического ряда занимает центральное место в поле.

Попытаемся с этой точки зрения представить реальное положение в словацком языке XVI—XVII вв.

«саурана». Основным членом в этом поле была лексема *krčma*¹². Зафиксированы комплексные наименования *panská, zámková krčma* («корчма, которая принадлежала феодалу») и *ustavičná krčma*. В народной речи существовали выражения, в которых прилагательное указывает тип заведения: *krčma pivná, páleňná, suchá, várošská*. Наряду с наименованием *hospoda* засвидетельствованы лексиколизированные сочетания *krčmárska, šenkárska hospoda* (слово *hospoda* характеризовалось полисемией). То же можно сказать о комплексном наименовании *šenkovní, pálenčený dom*. В современных диалектах известны заимствованные слова *šenk, šenkoviňa, šnapsputika, traktier (traktyr), trakterňa (traktyrňa)*; их значение («саурана») стабилизировалось в соответствии с положением в лексико-семантическом поле.

«deversorium». Основным наименованием было *hostinec*, затем *hospoda, dom hostinský*. В древнем языке сюда же относилось многозначное слово *špitál* «для путников и бедных», в этом значении в народной речи употреблялись также лексемы *chudobinec (chudobník, chudobnica), úchylište*. В современных диалектах известны слова *čárda, áláš (haláš)*.

«cubiculum hospitale». Место, где путнику, а затем и гостю, предоставлялась квартира, называлось *hospoda*, а в древний период оно обозначалось и словом *špitál*. Такие однозначные диалектные наименования, как *nocľažište, úchylište, obecny dom, valalská (žobračia) chyža, žobračiareň*, которые постепенно становятся архаичными, по своей семантике более прозрачны.

¹² Согласно толкованию, предложенному Ш. Ондрушем («Kultúra slova», 1970, 9 — в печати), первоначальное значение слова *krčma (krčьma из krčьa к křmit')* было «щица, еда», а более новое значение — «место, где можно поесть». В старых словацких письменных документах засвидетельствовано только вторичное значение «место, где подают напитки». Старое значение можно было бы усмотреть во фразеологическом сочетании *dávať krčmu* «подавать напитки, продавать в разлив, шинкарь» (например, Krušina 1643: *a dával v ten čas krčmu víno*), хотя оно могло быть создано по образцу сочетания *dávať hospodu*.

¹³ K. R e b r o, Urbárska regulácia Márie Terézie a poddanské úpravy Jozefa II, Bratislava, 1959, стр. 465.

В процессе дальнейшего развития *krčma* и *hostinec* семантически сблизились. Не всякий *hostinec* предоставлял возможность ночлега, и, наоборот, иногда *krčma* имела комнаты для гостей. Поэтому образовались новые наименования *furmanský, ubytovací*, а позднее *zájazdový hostinec* и *furmanská krčma* для выражения понятия «*deversorium*»¹⁴. От названий *krčma* и *hostinec* четко отличались названия мест, где только продавалось в разлив вино и спиртные напитки: *šenk (šink), šenkíš (šentíš, sentíš), aus-šenk, šinkvajs, šenkovňa, pult, bar(a), pudlo (púdl'a), kavetka (kavietka), rekestíš (rekeštík, rekeštiš), výčar*. У слова *hospoda* произошло сужение семантической структуры, оно стало означать главным образом комнату для гостей («*cubiculum hospitale*). Постепенно по значению и терминологически стали различаться места, в которых предоставлялась возможность коллективного или индивидуального размещения (*nocl'azište, útulok — hospoda, host'ovská svetlica, izba*). Частичный синоним *špitál* вычленился из семантической сферы «*deversorium*». Ассоциативная сила этой сферы проявилась в том, что, например, слова *šenk* и *trakterňa* локально распирили свое значение за счет семы «предоставление квартиры».

В эпоху национального языка наблюдается (особенно в городах) дифференцированное развитие объектов, наименования которых относятся к данному полю. При этом основное соотношение семантических дифференциальных признаков остается неизменным. В их рамках новые понятия различаются особыми лексемами. Это означает, что становятся релевантными новые семы. В семантической сфере «саурана» стали различаться понятия заведений, в которых подается еда (*reštaurácia, jedáleň, menza*), и понятия заведений, в которых подаются только напитки или закуска (*krčma, hostinec, vináreň, pivnica, bufet, kaviareň, espresso, cukráreň*). *Krčma, hostinec, vináren, pivnica* и др. имеют отдельное место, где подаются напитки (обычно алкогольные) — это *výčar, pult, bar*. В сфере семемы «*deversorium*» понятия заведений различаются в зависимости от цели, которой они служат: *ubytovací* (и т. д.), *hostinec, hotel, penzión, internát, domov mládeže, domov dôchodcov*. В третьей сфере заведения различаются по способу размещения: коллективного (*nocl'aháreň, slobodáreň*) или индивидуального [*host'ovská izba, svetlica, podnájom, (l'udová) hospoda*]. Становится возможным говорить об экстраполяции описанной структуры лексико-семантического поля в словацких диалектах и в литературном словацком языке.

Интересно провести сравнение с родственными языками. Для чешского и русского языков, например, характерны различные семантические сдвиги у некоторых лексических единиц. Однако необходимо подчеркнуть, что основная конфигурация семантических дифференциальных признаков не изменилась. В чешском языке для обозначения понятия «*deversorium*» сперва стабилизировалось наименование *hospoda* (во второй половине XVIII в. литературный чешский язык заимствовал из словацкого языка слово *hostinec*), ибо тогда в чешском языке для обозначения «*cubiculum hospitale*» имелось слово *hostinice/hostěnice*, которое исчезло из словарного состава нового времени. Таким образом, объем значения слова *hospoda* сначала сузился в направлении к *hostinice/hostěnice*, а потом это слово сблизилось со словом *krčma* «саурана» и даже стало основным членом в синонимическом ряду наименований данной семантической сферы¹⁵. Освободившееся в сфере «*deversorium*» место, как и в словацком

¹⁴ Об этих выражениях см. также: V. U h l á r, *Hostince, krčmy, furmanské krčmy a ubytovacie hostince*, «*Kultúra slova*», 1970, 5.

¹⁵ Подробнее см.: V. B l a n á r, *Zo slovenskej historickej lexikológie*, стр. 190, 246 и сл.

языке, заняли слова *hotel, penzion, internát, domov, starobinec*, которые получили новые семантически релевантные признаки.

Между тем в русском языке слово *гостиница* до настоящего времени удержало первоначальное значение «*deversorium*». Этим словом обозначаются и современные учреждения, в которых гость получает временное жилье (и имеет возможность питаться). Заимствованный термин «отель» обычно употребляется для обозначения зарубежных гостиниц¹⁶. Слова *пансион, общежитие* имеют значения, сходные со значениями их словацких эквивалентов. Что касается семантической сферы «сауона», то слово *корчма* устарело; значение слов *трактир, кабак, пивная* соответствует современному словацкому *hostinec*.

В целом можно сказать, что семантическое содержание лексических единиц данной микросистемы эволюционировало при определенных взаимных отношениях и на основе устойчивых семантических признаков, образующих конфигурацию

сауона	
deversorium	cubiculum hospitale

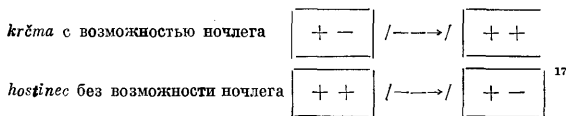
Значение заимствованных слов стабилизировалось в соответствии с семантическими признаками частного поля, в которое они вошли. Семантическая аттракция распространялась от центра к периферии. Семантические сдвиги в словац. *hostinec: hospoda: krčma*, чеш. *hospoda: hostěnice: hostinský pokoj: krčma*, русск. *гостиница: корчма: трактир, кабак* были обусловлены внутренними отношениями в рамках лексико-семантического поля.

3. Механизм семантического изменения хорошо прослеживается на примере семантических изменений, отмеченных в лексико-семантическом поле «сауона — *deversorium* — *cubiculum hospitale*». Их можно формализовать следующим образом:

1. Семантические изменения происходят в слове, относящемся к лексико-семантическому полю благодаря своему инвариантному значению (*krčma* и *hostinec*). При этом может иметь место:

1) импульс плана обозначаемой реальности (сближение понятий *krčma* и *hostinec*);

2) лексико-семантическое выравнивание с учетом структуры поля;
а) факультативное изменение семантического дифференциального признака, по которому различались семантемы «сауона» и «*deversorium*»:

17

¹⁶ С. И. О ж е г о в, Словарь русского языка, 7 изд., М., 1968, стр. 459.

¹⁷ Символом /- ->/ обозначается факультативность процесса.

Положение после этого изменения:

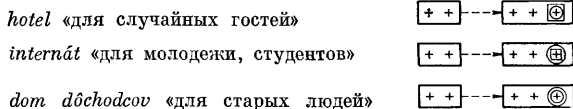
б) пополнение семантической сферы «*deversorium*» лексемами, которые однозначно выражают семему $\boxed{+ +}$. Так возникли комплексные наименования: *furmanský, ubytovací, noční, zájazdový hostinec* и *furmanská krčma*.

II. Новая лексема выражает новый семантический признак (например: *hotel, internát, domov důchodcov*). При этом может иметь место:

1) импульс плана обозначаемой реальности (в рамках заведений, в которых предоставляется квартира, возникают специализированные учреждения);

2) включение новой лексико-семантической единицы с учетом структуры поля;

а) прибавление нового семантического дифференциального признака, который до этого не был релевантным:

б) новый семантический дифференциальный признак по отношению к предшествующим выступает как «активный» в том смысле, что по нему в плане обозначаемой реальности различаются соответствующие учреждения, а в плане языковом эти объекты обозначаются новой лексической единицей (*hotel, internát, domov, domov důchodcov*). Присоединение новой семы не влечет за собой исключение новой лексической единицы из поля.

III. Из одного семантического дифференциального признака образуются два самостоятельных признака. По этим признакам возникает различение двух самостоятельных рядов объектов, которые затем снова внутренне членятся. Это членение находит языковое выражение в специальных наименованиях (*reštaurácia, jedáleň — krčma, pivnica, vináreň, bufet, cukráreň* и т. п.). При этом может иметь место:

1) импульс плана обозначаемой реальности (в рамках заведений, предоставляющих содержание без квартиры, «саурапа», сначала выделяется вид заведения, в котором предоставлялось только питание, отличающийся от заведений, в которых, в основном, подавались напитки и закуски; в соответствии с новыми признаками происходит дифференциация;

2) включение новой лексико-семантической единицы с учетом структуры поля:

а) расщепление семантического дифференциального признака «содержание» на два релевантных признака:

¹⁸ Признак $+_1$ (предоставление питания) и признак $+_2$ (предоставление напитков или закуски) близки друг другу, они находятся в пределах сферы «саурапа».

б) внутренняя дифференциация — например, в классе $\boxed{+_2 -}$ по роду подаваемых напитков или закусок:

«вина» <i>vináreň</i>	$\boxed{+_2 - \oplus}$
«пирожное» <i>cukráreň</i>	$\boxed{+_2 - \opl�}$
«кофе по-итальянски» <i>espresso</i>	$\boxed{+_2 - \opl�}$

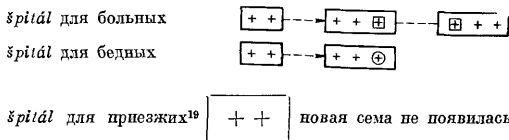
Для подразделения объектов в рамках класса решающим является новый семантический признак; по отношению к остальным он является «активным».

IV. Семантические изменения происходят в многозначном слове, включающемся в лексико-семантическое поле несколькими своими значениями (*špitál*). При этом может иметь место:

1) импульс плана обозначаемой реальности (отдельные значения соотносятся со специфическими понятиями, которые с течением времени четко дифференцируются);

2) семантическая перестройка с учетом структуры поля:

а) в двух случаях новая сема изменила структуру семантических дифференциальных признаков:

В случае *špitál* «больница» новая «активная» сема в иерархии семантических дифференциальных признаков заняла главную позицию, слово выделилось из данного поля. В случае *špitál* «дом, приют для бедных» новая сема стала отличительным признаком, но в рамках семантической сферы «*deversorium*». В случае *špitál* «корчма, трактир» семантического сдвига не произошло;

б) в словарном составе словацкого языка до настоящего времени удерживается слово *špitál* «больница» благодаря активной роли новой семы; правда, это слово является устаревшим и разговорным. В литературном языке употребляется слово *nemocnica*. Слово *špitál* в значении «дом, приют для бедных» («*chudobinec*») удерживается лишь в речи старого поколения. Совершенно исчезла из словарного состава лексическая единица *špitál* «корчма, трактир» («*hostinec*»), которая не приобрела новой «активной» семы.

Плодотворность данного подхода покажут дальнейшие исследования. Предложенный метод анализа семантических изменений представляет интерес не только с точки зрения возможностей формализации процессов развития словарного состава, но и в плане трактовки этих процессов. В предварительном порядке можно отметить, что в языковом плане об эволюционном сдвиге сигнализируют изменения в иерархии и структуре семантических дифференциальных признаков. Новые семантические при-

¹⁹ Эти три значения различал еще А. Бернолаж (см.: «*Slowár Slowenský, Česko-Lat'insko-Nemecko-Uherský*», Budaе, 1827, стр. 3074).

знаки выступают как активные элементы в развитии словарного состава. Процесс изменения происходит на фоне имеющейся структуры дифференциальных признаков слова и во взаимоотношении с соответствующим лексико-семантическим полем в целом. Семантические изменения находят свое отражение в плане выражения.

4. Таким образом, семантическое изменение следует рассматривать с учетом целостной структуры элементарной совокупности слов. Семантические отношения в рамках поля играют главную роль в аспекте его структурной организации. Применение принципа экстраполяции позволит отойти от исследовательской эмпирии и приблизиться к познанию общих закономерностей развития словарного состава одного или нескольких языков²⁰.

Конечная цель предложенного анализа, при котором мы исходили из отдельных элементов совокупностей слов — вскрыть лексическую ценность слова путем комплексного определения его микроструктурных отношений. Поэтому нельзя обойти и другие релевантные отношения лексической единицы, тем более, что они тесно связаны с семантическими сдвигами.

Снова проанализируем несколько примеров. Нет сомнений в том, что слова *handel* «торговля, коммерция» («obchod, kupectvo») и *handel* «рудник, шахта» («banský závod, baňa»), хорошо документированные в культурном словацком языке XVI—XVII вв., являются заимствованиями из немецкого *der Handel*²¹. Была ли в данном случае в древнем языке полисемия или это были уже омонимические слова?

Комплексное наименование *banský handel*, употребляемое (наряду с *handel*) в значении «banský závod», свидетельствует о том, что первоначально осознавалась смысловая связь со словом *handel* «obchod, kupectvo». В отдельных случаях в терминологическом значении представлен даже производный глагол *handlovat'* «vykonávat' banskú prácu, obchod». В отличие от этих слов из области профессиональной терминологии слово *handel* в значении «obchod, kupecto» относилось в древнем словацком языке к группе освоенных заимствований с широкой сферой употребления. Постепенному приобретению им семантической самостоятельности способствовало его включение в словообразовательный ряд *handliar — handlovat'*. С другой стороны, *handel* «banský závod, baňa» включалось в словообразовательный ряд: *handel (banský handel — handlovat' 22) — handelský*. Различались также и синонимические, и частично-синонимические связи

²⁰ Нетрудно было бы привести и другие примеры экстраполяции определенным способом структурированного поля, относящиеся к различным периодам развития или различным диалектным областям одного и того же языка или родственных языков. Упомянем лишь один пример из романских языков. Наименования рек в латинском языке *amnis* (большая река), *flumen* (река), *rivus* (ручей) взаимно различались количественным признаком. Они образовывали конфигурацию:

amnis
flumen
rivus

На фоне этой конфигурации осуществлялись семантические сдвиги в румынском языке. После исчезновения члена с признаком максимальной величины произошли следующие изменения: *fluvius* «река» → *fluviu* «большая река», что привело к сдвигу *rivus* «ручей» — *riu* «река». Поэтому заимствованное слово *pîriu* (из алб. *përrus*) вошло в семантическую сферу «ручей» (на это указывает О. Духачек: см.: О. D u c h á ě k, O mikrostruktúrách v lexiku, SaS, 1970, 2, стр. 106).

²¹ Исторические аргументы см. в работе «Zo slovenskej historickej lexikológie».

²² Эти слова находились на периферии горнозаводской профессиональной терминологии. Со временем они вышли из состава активной лексики.

этих слов: 1) *handel — kupectvo — kupčenie — obchod — sklep — výmena*; 2) *handel — baňa — šachta — jama — dol*, (у Бернолака). Слова *handel, handliar, handlovat'* перешли в народную речь, шахтерские, горнозаводские термины исчезли из словарного состава словацкого языка. Полисемантические отношения сначала превратились в омонимические, потом омонимия была разрушена в результате утраты одного из членов омонимической пары.

Семантические составные элементы иногда можно зафиксировать лишь посредством анализа валентных способностей слова. Например, др.-чеш. *člověči* является определением при названиях органов тела и чувств человека (*člověči paměť*), значение, «свойственный человеку, характерный для человека» выявляется в сочетаниях с названиями характерных черт и признаков (*člověči hlas*)²³.

Учет социолингвистических отношений дает возможность различать значимость слов, которые имеют сходную семантическую структуру, но отличаются в плане стилистическом. Ср. литературное *vůčar* и синонимические выражения иного уровня *šenkoviňa, kavetka, baša, bara, rekešník, pullo* и т. д. (диалектные слова)²⁴.

Эти примеры также подтверждают мысль о том, что только через раскрытие языковых, внешнеязыковых и внеязыковых отношений слова можно познать его лексическую ценность. Этот аспект важен для сравнительной лексикологии. Изучая организацию совокупностей слов, исходя из наиболее общих принципов, например принципа противопоставлений, мы определяем группы слов, которые являются сходными во многих языках, например: глаголы движения, глаголы *dicendi et sentiendi*, терминологию родства²⁵. Чем разностороннее оценка, тем более дифференцировано раскрывается содержательная сторона²⁶. Так, при наблюдении лексической интерференции в родственных языках выявляются слова, которые в обоих языках имеют сходную семантическую структуру и различаются лишь некоторыми синтагматическими или парадигматическими характеристиками: ср. чеш. *litkup* и производные *litka, litkupník* и словац. *litkup: oldomáš/aldomáš*. Исследование микроструктурных отношений²⁷ лексических единиц способствует познанию национальной специфики словарного состава.

Перевел со словацкого Л. Н. Смирнов

²³ «Staročeský slovník», Úvodní stati, soupis pramenů a zkratk, Praha, 1968, стр. 25.

²⁴ Это не синонимия гомогенной языковой системы. Ср.: J. Filipcs, K otázce invariantu a variant v lexikální sémantice, «Slavica Slovaca», 1970, 3, стр. 276.

²⁵ См.: О. Н. Трубачев. К вопросу о реконструкции различных систем лексики, «Лексикографический сборник», VI, М., 1963, стр. 4.

²⁶ В этом отношении показательны критические замечания Н. Ю. Шведовой («Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Д. Апресяна «Синонимия и синонимы», ВЯ, 1970, 3). В связи с трактовкой Ю. Д. Апресяном вопроса о синонимии Н. Ю. Шведова упрекает автора в недостаточно точной и полной интерпретации части приводимого материала и в переоценке роли синтагматических связей. В этой связи хотелось бы заметить, что элементы значения устанавливаются путем анализа связей слова в контексте. В работах исторического плана, где нельзя опереться на языковое чутье, необходимо исходить из синтагматических связей. При рассмотрении вопроса о синонимии нельзя упускать из вида отношения подобия и частичную синонимию. Полагаем, однако, что существо проблемы заключается в том, что синтагматические связи представляют собой только одну часть релевантных лексических отношений слова.

²⁷ Здесь мы не касаемся вопроса о том, что степень проявления лексического отношения неодинакова, в ходе исторического развития она может меняться. См. об этом: V. Blažák, Die Einbürgerung entlehnter Wörter in graphischer Darstellung, TLP, 3, 1970; ср. также: М. М. Маковский. Валентные отношения в лексике, «Ин. яз. в шк.», 1968, 6, стр. 24 и сл.